

ПРОЛОГ

Африканская ночь — настоящая.

Ещё из тех, первобытных, диких, не волнующая, а пугающая, с того мгновения, как мир потемнеет от первых сумерек. Ночь, в которой органично смотрятся и хищники, и ритуальные жертвоприношения. Ночь, в которую можно уйти и не вернуться.

На этой земле давно стоят большие города, проведены автострады, а девственные горы перепаханы рудными компаниями, над ней летают самолёты, а её обитатели предпочитают копьям и лукам автоматы и гранатомёты. Эту землю постепенно обволакивает большая цивилизация, но на ней ещё сохранилось множество мест, где всё осталось так, как тысячи лет назад. Где человек по-прежнему редкий гость, а ночь хранит столько тайн, сколько не снилось даже астрономам. Ночь, которая смешивает смыслы. Ночь, в которой охотник может в любое мгновение обратиться добычей.

Африканская ночь — настоящая.

В ней стараются вести себя тихо, незаметно, потому что малейший звук — дыхание или шорох травы — укажет на твоё присутствие. Однако птицу, что прилетела на север пустыни Намиб, не заботил шум — для этого она была чересчур велика. Нет, она была огромна. Тьма скрывала облик птицы, но по звуку мощных крыльев можно было без труда понять, что она отличается колоссальными размерами. И, кажется, красотой: перья невероятного создания так причудливо переливались в призрачном свете звёзд, что сомнений в том не оставалось.

Огромная, красивая птица...

Она уселась на обломок скалы, некоторое время молчала, попеременно наклоняя голову то вправо, то влево, прислушиваясь к шорохам ночи и вглядываясь в тьму так, словно могла сквозь неё видеть, а затем запрокинула голову и издала тихий звук. Очень чистый. Очень нежный. Совершенно неожиданный для создания столь грандиозных размеров. В представлении всех гиганты должны отличаться грубыми голосами, но птица плевать хотела на представления. Она запела. Запела, кажется, негромко, но так сильно, что её нежный голос разлетелся далеко-далеко, и все вокруг, все, кто услышал чарующее пение, оставили свои дела и, позабыв об осторожности, направились к скале. Антилопы, страусы, зебры, слоны, носороги, львы, гиены, шакалы... Большие и маленькие, хищники и добыча, все они шли к птице, словно им не достаточно было слышать её голос, но нужно было видеть, нужно было оказаться как можно ближе, нужно было встать рядом и не сводить с огромного создания глаз.

Создания, которое звери чтили. И которому готовы были отдать всё.

Птица опустила голову и внимательно их оглядела.

Странно, но пение не утихло, продолжило звучать, окутывая пришедших на заклятие тварей тяжёлым мороком. Голос не умолкал, и в этом был какой-то секрет. Но птица знала, что так будет, для неё это была естественная часть жизни. Голос не умолкал, а птица выбирала первую жертву. Остановила взгляд круглых глаз на антилопе, быстро наклонилась и ударила её клювом. Почуяла кровь, издала kloкочущий звук и вцепилась в плоть настоящего, жадно утоляя тысячелетний голод. Не доела — ударила львицу. Затем — зебру... Рвала зверей под нестерпимо нежное пение, а когда насытилась — взмахнула гигантскими крыльями и скрылась в темноте.

Не обратив никакого внимания на установленную неподалёку видеокамеру.

Птица не знала, что такое видеокамера.

ГЛАВА 1

«Фейк? Розыгрыш планетарного масштаба? Или мы действительно стали свидетелями необыкновенного события? Как объяснить случившееся? И можно ли его объяснить? Планету охватило недоумение...» («РБК»)

«И чем, простите за прямой вопрос, занимается так называемая Служба утилизации? На что уходят наши налоги? Почему так называемые специалисты с так называемыми предсказателями не сумели рассчитать очередное появление птицы Какнис и не предприняли никаких мер, чтобы скрыть её от любопытных челов? Служба утилизации позабыла, что на дворе XXI век и за каждым клочком земли наблюдает минимум десяток видеокамер?...» («Тиградком»)

«Сегодня ночью одна из систем видеонаблюдения международной базы данных eBird выдала в прямой эфир изображение гигантской, невероятных размеров птицы, которая разрывала на части и пожирала антилоп и львиц. Трансляция продолжалась около двух минут, затем прервалась, как считают конспирологи — по приказу правительства, однако запись успела разойтись по всему миру и вызвала бурное обсуждение в социальных сетях...» («Известия»)

*Некоммерческое общественное объединение
по исследованию перспективных и прочих явлений
Москва, Петропавловский переулок*

Это был самый обыкновенный, ничем не выделяющийся двухэтажный особнячок, простой и незатейливый — классический, московский, неприметный, — стоящий в самом обыкновенном переулке. И хотя переулок располагался на Солянке, в шаге от Кремля и Старой площади, то есть в районе дорогом и престижном, он не обзавёлся показушным лоском столичного центра, оставаясь ухоженным, но не шегольским, не привлекал внимания ни бедностью, ни богатством. Он просто был, и в ряду его домиков стоял неброский особнячок, окна которого всегда были тщательно зашторены, фасад не уродовали ящики кондиционеров, а слева от входной двери размещалась лаконичная медная табличка:

НКООИППЯ

Ужасное сочетание не разъяснялось даже мелким шрифтом, как это принято в делах обыкновенных, и прохожим оставалось догадываться, что означает сей набор заглавных букв и почему хозяева не сочли нужным его расшифровать.

Металлическая дверь — простая, но надёжная, — открывалась исключительно изнутри и далеко не всем. Случайные посетители сначала долго звонили, дожидаясь неспешного ответа — если хватало терпения, а затем долго беседовали по домофону с охранником, подробно рассказывая о том, кто они и зачем явились. Чаще всего охраннику удавалось убедить посетителей, что они ошиблись и должны обязательно идти прочь, однако убеждал он столь виртуозно и вежливо, что через две-три минуты разговора незадачливые гости начинали ис-

кренне извиняться за причинённое беспокойство и откланивались. Охранник радовался и снова пропадал, в переулочек возвращались тишина и покой.

Такое отношение к посетителям объяснялось просто: те, кого в особняке ждали, либо открывали дверь собственным ключом, либо въезжали во внутренний дворик через задние ворота, не привлекая внимания и не вызывая ненужного шума. Шум хозяева особняка не терпели, хотя сами его производили умело...

При необходимости.

— Животное! Какое глупое животное! — Стоящий на письменном столе Схинки дёрнул плечом — жест означал высшую степень раздражения — и выплюнул в мир короткое, весьма ёмкое ругательство. Не новое и грубое. — Тупое животное! Скотина! Тварь!

— Птица, — поправила собеседника сидящая в кресле Гранни. Негромко поправила и потому не была услышана.

— Скотина! — повторил орангутан, глядя на застывшую на мониторе Какнис — гигантскую, мощную и очень сильную птицу, клюв который мог перебить хребет слону, а лапы — разорвать носорога. Птицу жестокую, чей клюв был очень часто перепачкан кровью, и птицу красивую. Съёмка велась ночью, не самой качественной видеокамерой, и запись не позволяла оценить роскошь перьев огромной Какнис. Но Гранни доводилось видеть её изображение, и девушка знала, что птица переливается тысячами оттенков, формируя совершенно невероятный, завораживающий образ. Абсолютно соответствующий её чарующему голосу.

— Надо было додуматься устроить обжираловку перед видеокамерой и прославиться на всю планету! — Схинки пнул монитор, без радости проследил его путь на пол, поморщился, услышав грохот, и продолжил: — Я понимаю, что у этой овцы мозгов, как у курицы... хотя она, если вдуматься, и есть курица, только на анаболи-

ках... Но попасться на такой ерунде — это надо уметь! Ведь даже куриных мозгов должно хватить, чтобы заметить, что за тобой следят!

— Какнис неразумна.

— Я и говорю — тупое животное!

— Птица.

Схинки резко повернулся и посмотрел Гранни в глаза:

— Что ты хочешь этим сказать?

— Только то, что сказала, — спокойно ответила девушка, улыбаясь разъярённому орангутану. — Уточнила, что Какнис — птица. Ничего более.

— Точно?

— Никакого подтекста, милый.

— Надеюсь. — Схинки выдал пару ужимок, почесал подбородок и ловко соскочил со стола в кресло.

Как все орангутаны, он был рыжим, а как все домашние орангутаны — наряжен в цветастую рубашку и шортики. Наряд мог показаться дешёвым, однако массивный швейцарский хронометр, украшающий левую лапу животного, мягко намекал, что недостатка в средствах Схинки не испытывает.

— Мне понравилось, что ты назвала меня милым, — произнёс орангутан, устроившись в глубоком кожаном кресле.

— Это всего лишь вежливое обращение, — ровным тоном отозвалась девушка.

— Милое обращение.

— Ничего не значащее.

— Уверена?

— Абсолютно.

— Рано или поздно ты сумеешь преодолеть вбитое в голову ощущение расового превосходства и научишься жить по современным правилам, — пообещал орангутан.

— По твоим правилам? — уточнила Гранни.

— К моему удовольствию, — уточнил Схинки.

- Никогда.
- Расистка.
- Прости, что не оправдала.

Орангутан хмыкнул и забросил на стол короткие нижние лапы.

Их диалог был шуточным наполовину — со стороны Гранни. Что же касается Схинки, его гигантское либидо подразумевало заигрывание со всеми привлекательными — с его точки зрения — объектами, с обязательным доведением заигрывания до логического конца. Способы доведения он применял самые разные, однако купить Гранни орангутан не мог, угрожать не имел права и потому ограничивался острыми диалогами. Со временем его намёки становились всё более и более откровенными, а тон — развязным, однако уволиться девушка не могла, ругаться не хотела и лишь огрызалась, стараясь отвечать уколom на укол.

— Если тебе и впрямь необходимо расслабиться, могу дать телефон одного интересного заведения...

— Телефоны я тебе сам могу дать, их у меня коллекция.

- Не сомневаюсь.
- Из всех стран мира.
- Верю на слово.
- Для любого гендерного статуса.
- Кем ты считаешь себя?

— Сейчас — твоим начальником. — Схинки резко перешёл на деловой тон, однако девушка знала его давно, привыкла к неожиданным переменам и без труда сохранила абсолютное спокойствие.

- Я слушаю.
- Речь пойдёт о птице Какнис.
- Я догадалась.

— Как ты понимаешь, скандал купирован. Служба утилизации уже выбрала стратегию выхода из кризиса, если не ошибаюсь, они воспользовались одним из стан-

дартных кейсов для таких случаев, и менеджеры гарантируют, что через два дня о нашей дуре будут помнить исключительно энтузиасты-конспирологи, вроде тех, которые до сих пор ищут на помойках летающие тарелки.

— Прекрасная новость, — кивнула Гранни, всё ещё не понимая, для чего Схинки вызвал её в офис.

— Прекрасная новость заключается в том, что птица Какнис объявилась, — продолжил орангутан, почёсывая мохнатое плечо — для этого ему пришлось расстегнуть и распахнуть цветастую рубашку, демонстрируя собеседнице живот. — Теперь мы точно знаем, что она не в спячке, и более того — нам известно её приблизительное местонахождение.

— Тебе нужна птица? — догадалась Гранни.

— Нам нужна птица, — ответил Схинки. — Нам.

— Могу я спросить зачем?

— Спросить — можешь.

— А узнать?

— Не сразу.

— Схинки? — Девушка удивлённо подняла брови.

Она занимала достаточно весомое положение и никогда не играла «втёмную». Да, Гранни не всегда владела полной информацией о происходящем, но, как правило, понимала, для чего прикладывает усилия, и нынешняя скрытность орангутана её несколько задела.

— Ты узнаешь, — пообещал Схинки.

— Обычно ты ничего от меня не скрываешь.

— Это относится только к нашим отношениям. — Он вновь вернулся к вальяжному тону. — Хочешь, покажу тебе кое-что?

— Отношений нет, — напомнила девушка.

— Пока нет.

— Схинки!

— Ладно, покажу потом, когда ты будешь готова, а расскажу — чуть позже. — Орангутан поднял вверх

палец, показывая, что тема закрыта, выдал серию быстрых ужимок и закончил: — Мне нравится, как ты хмуришься.

— Куда мы отправляемся? — Гранни добавила в голос холода.

— На север пустыни Намиб, — пожал плечами Схинки. — Это же очевидно.

— Не люблю пустыни.

— В таком случае советую приложить все силы, чтобы поскорее из неё убраться.

— Зачем тебе я?

— Будешь развеивать мою скуку.

— Даже не мечтай.

— Странно, я был уверен, что ты осталась в восторге от того раза.

— Никакого «того раза» не было.

— Неужели?

— Ты выдаёшь желаемое за действительное.

— Я ничего не принимаю, красавица, и трезво смотрю на наш безумный мир. Поэтому моё желаемое часто становится действительным.

— Давно хотела спросить: ты способен держать под контролем своё либидо?

— Да. Но зачем?

Гранни вздохнула.

— И почему ты о нём заговорила?

— Потому что оно тобой управляет.

— Мы прекрасно уживаемся с моим либидо, — рассмеялся Схинки. — И если хочешь — можем составить тебе компанию на пару вечеров.

— Я могу идти?

— Возьми с собой четверых операторов с мощными «персами» — им придётся много работать и, возможно, драться. Я сбросил тебе файл со списком необходимого снаряжения. Собери всё, плюс операторы, «персы» и их снаряжение, и распредели по автомобилям. Птица

Какнис засветилась вдали от аэропортов, придётся добираться по земле.

— Почему не сделать портал?

— Портал вызовет большой энергетический всплеск и точно напугает птицу. Она скроется, а я не хочу и не могу ждать, когда она объявится в следующий раз, — объяснил Схинки. — Так что едем по земле и до контакта с птицей магией пользуемся минимально, а лучше — вообще не пользуемся. Сформируй сбалансированную колонну и не забудь об охране... Зафрахтуй большой транспортный самолёт...

— Летим в Виндхук?

— Да. Но сначала — в Стамбул.

— На рынок?

— Почти. — Схинки заложил лапы за голову и усмехнулся: — В библиотеку.

* * *

*Муниципальный жилой дом
Москва, улица Дмитрия Ульянова*

— *Марина, пожалуйста, скажи этим нелюдям то, что они хотят слышать.*

Мама произнесла фразу очень спокойно. На изумление спокойно, учитывая обстоятельства. Впрочем, Бри не ожидала иного — мама всегда, сколько она её помнила, в любых обстоятельствах оставалась спокойной и никогда не повышала голоса.

— *Марина?*

А вот Бри подобной выдержкой похвастаться не могла и потому ответила не сразу — боролась с волнением, изо всех сил стараясь заставить голос прозвучать твёрдо.

— *Марина?*

— *Я...*

— *Слушай, что говорит мать, — грубо приказал он.*

И случилось невероятное.

Он произнёс короткую фразу предельно жёстко, с отчётливой угрозой. Он хорошо знал, каким тоном следует произносить подобные фразы, научился задолго до того, как стал центуром Внутренней Агемы, он умел нагонять страх и сделал всё как надо, но... Случилось невероятное. Звук его голоса — не истеричный, не визгливо-крикливый, не надрывный, а жутко страшный — звук его голоса привёл девушку в чувство. Позволил собраться.

— Я... — Бри вскинула подбородок. — Чего вы от меня хотите?

— Ты знаешь чего! — продолжил напирать он, однако был остановлен.

— Подожди.

Второй центур уловил перемену в настроении девушки, почувствовал, что жертва пытается трепыхаться, как выброшенная на берег рыба, но ничего не сказал. Прищурился — едва заметно и едва заметно весело — и мягко спросил:

— Где твоя подружка?

К ней пришли центуры. Не рядовые факторы, нет, — старшие маги Внутренней Агемы, а значит, поиск Джигры стал для них приоритетом. И без ответов они не уйдут.

— Отвечай на вопрос! — рявкнул первый.

— Пожалуйста, давайте сохранять спокойствие, — попросила мама.

— Где твоя подружка?

— О ком вы говорите?

— Мы ищем Джигру, — повторил второй центур таким тоном, будто ещё не рассказывал о цели визита.

Он превосходно играл роль «доброего полицейского», но девушка понимала, что его напарник — «злой» — вступит в игру, как только сочтёт нужным. И «добрый» его останавливать не станет.

— Я говорила, что не знаю, где она и... — Бри передохла. — Мы не подруги.